

Шлюндт Надежда Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и международного права
Северо-Кавказского федерального университета

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ИНСТРУМЕНТАРИЯ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ****Аннотация:**

В статье рассматривается применение беспилотных летательных аппаратов, социальных медиа и системных сервисов финансовой инфраструктуры для решения внешнеполитических задач. Именно информационно-коммуникационные технологии, по мнению автора, выступают сегодня главным фактором, преобразующим внешнеполитический инструментарий. Вместе с тем делается вывод, что политизация элементов глобальной финансовой инфраструктуры открывает новую исследовательскую область в политологическом знании.

Ключевые слова:

инструменты внешней политики, информационно-коммуникационные технологии, деперсонализация военной силы, беспилотные летательные аппараты, публичная дипломатия 2.0, социальные медиа, технологизация финансовых санкций, SWIFT.

Shlyundt Nadezhda Yuryevna

PhD in Law,
Assistant Professor,
Constitutional and International Law Department,
North-Caucasus Federal University

**IMPROVING THE FOREIGN
POLICY TOOLS
UNDER THE INFLUENCE OF
INFORMATION AND COMMUNICATION
TECHNOLOGIES****Summary:**

This article discusses the use of air drones, social media and system services of financial infrastructure to solve foreign policy problems. In author's opinion, today the information and communication technologies are the main factor, transforming foreign policy tools. At the same time, it is concluded that the politicization of the elements of global financial infrastructure opens a new research area in political science knowledge.

Keywords:

foreign policy tools, information and communication technologies, depersonalization of military power, air drones, public diplomacy 2.0, social media, technologization of financial sanctions, SWIFT.

Актеры мировой политики постоянно совершенствуют применяемые инструменты, пытаются не проиграть другим в конкурентной борьбе. В последнее время совершенствование осуществляется главным образом за счет широкого внедрения во внешнеполитическую практику информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Со времен Э.Х. Карра [1, р. 100] выделяются три основные группы инструментов внешней политики: военные, дипломатические и экономические. Каждая из этих групп сегодня преобразуется под влиянием ИКТ. Осваивая подобные технологии, актеры мировой политики стремятся преодолеть недостатки и ограничения, присущие каждой разновидности внешнеполитических инструментов.

В группе военных инструментов под влиянием ИКТ происходит деперсонализация применяемых средств. От работы С. Шейкера и А. Вайза конца 1980-х гг. [2] и до многочисленных публикаций наших дней [3] тема деперсонализации получала все большее развитие. И если первые авторы говорили о ней как о неизбежном, но все же явлении будущего, то современные ученые воспринимают ее как уже свершившийся факт. С полной уверенностью это можно сказать о беспилотных летательных аппаратах (БПЛА) или дронах, которые сегодня широко применяются не только для разведки и наблюдения, но и для нанесения ударов [4, с. 189]. В результате внедрения БПЛА некоторые ограничения на использование вооруженных сил – например, риск собственных людских потерь, который может вызвать политическое сопротивление, – потеряли актуальность или, по крайней мере, былое значение. С БПЛА государствам значительно проще начать и вести войну, не обращая внимания на посторонние факторы.

БПЛА вошли в арсеналы всех ведущих государств мира, продолжая развиваться, в частности, в сторону своей полной автономности. Это объясняется тремя обстоятельствами. Во-первых, БПЛА сводят к нулю риск для военных, которым в противном случае приходится действовать в опасном окружении. Во-вторых, радиус действия БПЛА значительно больше, чем у пилотируемых самолетов. В-третьих, они обходятся дешевле с точки зрения как изначальных затрат, так и расходов на последующее обслуживание.

Сегодня активнее всех БПЛА используются США, которые проявляют все большую заинтересованность в их разработке и практическом применении. ВВС США круглосуточно управляют десятками БПЛА, патрулирующими с воздуха территории Афганистана, Йемена и Северной Аф-

рики. Удары с БПЛА проводит Совместное командование специальных операций (JSOC), подразделение Главного управления войск специального назначения Министерства обороны США. Также такие удары проводит ЦРУ, часто сотрудничающее с JSOC [5, р. 2]. Помимо США БПЛА используют более 70 других государств, в числе которых Израиль, Великобритания, Китай, Иран и Россия.

В группе дипломатических инструментов заметно использование правительствами так называемой «публичной дипломатии 2.0», ставшей реальностью благодаря развитию ИКТ. Термин «публичная дипломатия 2.0», представляющий собой синтез понятий «публичная дипломатия» и «Web 2.0», означает коммуникативное влияние на иностранные аудитории через многообразные сервисы, контент которых наполняется самими пользователями [6]. С ростом числа пользователей интернета в целом и популярности социальных медиа в частности правительства освоили технологии Web 2.0, применяемые для коммуникационного влияния на зарубежные аудитории (социальные сети, блоги, хостинги). На первых этапах своего развития, в эпоху господства технологий Web 1.0, интернету недоставало интерактивности, а деятельность правительств, пытавшихся воспользоваться новой средой, напоминала пропагандистские усилия времен холодной войны, когда информация передавалась в монологической форме. С середины 2000-х гг. благодаря технологиям Web 2.0 рядовые пользователи получили возможность размещать информацию в интернете, не обращаясь за помощью к профессионалам, а вместе с ней и возможность оставлять свое мнение о информации, выложенной другими пользователями. Правительства, понимая, что ключом к успеху во внешней политике в нынешних условиях является диалог с иностранной аудиторией, быстро воспользовались новыми возможностями, включив в свой внешнеполитический инструментарий такой инструмент, как «публичная дипломатия 2.0».

В рамках «публичной дипломатии 2.0» выделяются три основных направления: размещение контента на различных хостингах (например, на YouTube), использование микроблогинга (например, Twitter) и размещение информации в социальных сетях (например, в Facebook) [7, с. 109]. Эти направления прежде всего используются внешнеполитическими ведомствами и связанными с ними учреждениями, отдельными политическими лидерами и ведущими массмедиа. Посольства многих стран ведут свои профили в социальной сети Facebook, пытаются влиять на граждан тех стран, где они работают. В качестве примера можно привести профили российского посольства в Лондоне (@RussiaEmbassy, более 10 000 подписчиков) и американского посольства в Москве (@russia.usembassy, более 35 000 подписчиков). Количество читателей англо- и русскоязычного аккаунта в Twitter председателя Правительства РФ Д.А. Медведева превышает 6 млн чел. (@MedvedevRussia и @MedvedevRussiaE). Только англоязычный аккаунт канала RT в YouTube насчитывает более 2 млн подписчиков и почти 2 млрд просмотров.

Наконец, группа экономических инструментов также испытывает на себе влияние ИКТ. С окончанием холодной войны произошел резкий рост количества применяемых экономических санкций. С 1990 по 2013 г. ООН проголосовала за санкции 20 раз [8, р. 112], тогда как с 1945 по 1990 г. она лишь трижды выбирала их в качестве средства политического принуждения [9, р. 57–58]. Самые масштабные санкции вводились в 1990-х гг. против Ирака, Гаити и бывшей Югославии. Несмотря на свой размах, все эти санкции привели к довольно умеренным уступкам со стороны тех стран, против которых они были направлены.

Последствия тотальных санкций вызвали в различных политических кругах обширные дискуссии относительно их эффективности и допустимости. Различные гуманитарные группы – от Красного Креста до Human Rights Watch – начали задаваться вопросом об этичности всеобъемлющих торговых санкций. Сами агентства ООН выражали все большее беспокойство относительно решений СБ, касающихся тотальных санкций. К. Аннан, занимавший тогда пост Генерального секретаря ООН, назвал тотальные санкции слишком «грубым инструментом», усомнившись в легитимности такого средства давления на политических лидеров, которое заставляет страдать самые уязвимые и незащищенные группы [10, р. 121]. Пытаясь устранить негативные эффекты применения экономических санкций и при этом сохранить все их плюсы, правительства обратились к нацеленным, или «умным» санкциям, переносящим бремя последствий с граждан на правящую верхушку.

«Умные» санкции – это санкции, затрагивающие не все население определенной страны, а только элиту и ее ближайших сторонников. Теоретически такие санкции позволяют добиваться желаемых результатов, не нанося практически никакого ущерба населению, как это происходит при тотальных торговых эмбарго. К «умным» санкциям относятся эмбарго на экспорт в страну оружия и предметов роскоши, запреты на перемещение для представителей элиты целевой страны, а также разнообразные финансовые санкции. Однако, как демонстрируют многие факты, далеко не все «умные» санкции позволяют безболезненно добиваться желаемых политических результатов [11, р. 321–331]. Чтобы повысить эффективность «умных» санкций, правительства обращаются к потенциалу ИКТ, широко используемых в финансовой сфере. Становится очевидной тенденция, которую можно назвать технологизацией финансовых санкций. Сегодня к заморозке активов и запрету на кредитование добавляется угроза и непосредственное отключение страны от финансовых сервисов, выполняющих глобально-системную роль.

Показательным примером выступает отключение Ирана, не желающего отказываться от своей ядерной программы, от SWIFT, длившееся четыре года. SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications) – это межбанковская система передачи финансовой информации, членами которой числятся более 11 000 организаций со всего мира. Изначально власти США довольно настороженно относились к идее использования SWIFT в качестве инструмента внешней политики. Они предвидели, что подобное решение политизирует SWIFT, вызвав в обществе еще большую негативную реакцию, чем программа по контролю за финансированием терроризма. Вашингтон не хотел дальнейшего ухудшения отношений со SWIFT, понимая всю ценность предоставляемых ею данных в борьбе с терроризмом. Играли свою роль и опасения лишиться возможности отслеживать финансовые транзакции Ирана, отключенного от SWIFT. Однако в начале 2012 г. дискуссии о роли SWIFT резко интенсифицировались, учитывая, что ее внутренний регламент допускает ограничение доступа для пользователей, уличенных в незаконной деятельности. SWIFT отреагировала на возросшее политическое давление заявлением, в котором отмечалось, что она оказывает лишь услуги по передаче финансовых сообщений между двумя агентами, которые и несут всю ответственность за совершенные транзакции. В конце концов США решились блокировать Иран, приняв в феврале 2012 г. поправку к санкционным законам, наделяющую администрацию правом наказывать провайдеров финансовых коммуникаций, в том числе и SWIFT. При этом администрация не пошла на прямой конфликт со SWIFT, переложив всю работу на европейские власти. Спустя несколько недель Совет ЕС признал, что недопустимо оказывать услуги по передаче финансовых сообщений лицам и организациям, чьи активы заблокированы, и предписал SWIFT немедленно исключить определенные иранские банки из ее сети. Исполнительный директор SWIFT Л. Кампос заявил об исключении иранских банков из системы, при этом отметив, что отключение банков – это экстраординарный и беспрецедентный случай, ставший возможным в результате международных усилий, направленных на ужесточение финансовых санкций против Ирана [12, р. 20–21]. Отключение Ирана от SWIFT сократило объемы его нефтяного экспорта и заставило искать альтернативные способы расчетов (наличные, бартер, подставные компании).

Таким образом, ИКТ трансформируют все группы внешнеполитических инструментов: военные, дипломатические и экономические. Развитие ИКТ приводит в военной сфере к применению на поле боя разведывательных и ударных роботов, в дипломатической сфере – к эксплуатации хостингов, блогов и социальных сетей, в экономической сфере – к отключению от глобальной финансовой инфраструктуры «неудобных» стран. И если деперсонализация военных средств и «публичная дипломатия 2.0» уже давно привлекают внимание ученых, то финансовые санкции, подвергшиеся технологизации, требуют детального исследования, поскольку предполагается, что в будущем именно они станут самым эффективным экономическим инструментом внешней политики.

Ссылки:

1. Carr E.H. The twenty years' crisis, 1919–1939. Basingstoke, 2016. 357 p.
2. Shaker S.M., Wise A.R. War without men: robots on the future battlefield. Washington, 1988. 196 p.
3. Sloan E. Robotics at war // *Survival: Global Politics and Strategy*. 2015. Vol. 57, no. 5. P. 107–120.
4. Тетерюк А.С., Чижевский Я.А. Беспилотные летательные аппараты в асимметричных конфликтах // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 2. С. 189–201.
5. Cortright D., Fairhurst R. Assessing the debate on drone warfare // *Drones and the Future of Armed Conflict: Ethical, Legal, and Strategic Implications* / ed. by D. Cortright, R. Fairhurst, K. Wall. Chicago, 2015. P. 1–23.
6. Cull N.J. The long road to public diplomacy 2.0: the Internet in US public diplomacy // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15, no 1. P. 123–139 ; Harris B. Diplomacy 2.0: the future of social media in nation branding // *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*. 2013. Vol. 4, no. 1. P. 17–32.
7. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2014. № 4. С. 104–113.
8. Charron A., Portela C. The relationship between United Nations sanctions and regional sanctions regimes // *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action* / ed. by T.J. Biersteker, S.E. Eckert, M. Tourinho. Cambridge, 2016. P. 101–118.
9. Hakimdavar G. A strategic understanding of UN economic sanctions: international relations, law, and development. Abingdon, 2014. 228 p.
10. Цит. по: Allen S.H., Lektzian D.J. Economic sanctions: a blunt instrument? // *Journal of Peace Research*. 2013. Vol. 50, no. 1. P. 121–135.
11. Gordon C.J. Smart sanctions revisited // *Ethics and International Affairs*. 2011. Vol. 25, no. 3. P. 315–335.
12. Dubowitz M., Fixler A. Cyber-enabled "SWIFT" warfare: power, blowback, and hardening American defenses // *Cyber-Enabled Economic Warfare: An Evolving Challenge* / ed. by S.F. Ravich. Washington, 2015. P. 14–48.

References:

- Allen, SH & Lektzian, DJ 2013, 'Economic sanctions: a blunt instrument?', *Journal of Peace Research*, vol. 50, no. 1, pp. 121–135, <https://doi.org/10.1177/0022343312456224>.
Carr, EH 2016, *The twenty years' crisis, 1919–1939*, Basingstoke, 357 p., <https://doi.org/10.1057/978-1-349-95076-8>.

- Charron, A, Portela, C, Biersteker, TJ, Eckert, SE & Tourinho, M (eds.) 2016, 'The relationship between United Nations sanctions and regional sanctions regimes', *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*, pp. 101–118, <https://doi.org/10.1017/cbo9781316460290.006>.
- Cortright, D, Fairhurst, R & Wall, K (eds.) 2015, 'Assessing the debate on drone warfare', *Drones and the Future of Armed Conflict: Ethical, Legal, and Strategic Implications*, Chicago, pp. 1–23, <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226258195.003.0001>.
- Cull, NJ 2013, 'The long road to public diplomacy 2.0: the Internet in US public diplomacy', *International Studies Review*, vol. 15, no 1, pp. 123–139, <https://doi.org/10.1111/misr.12026>.
- Dubowitz, M, Fixler, A & Ravich, SF (ed.) 2015, 'Cyber-enabled "SWIFT" warfare: power, blowback, and hardening American defenses', *Cyber-Enabled Economic Warfare: An Evolving Challenge*, Washington, pp. 14–48.
- Gordon, CJ 2011, 'Smart sanctions revisited', *Ethics and International Affairs*, vol. 25, no. 3, pp. 315–335, <https://doi.org/10.1017/s0892679411000323>.
- Hakimdavar, G 2014, *A strategic understanding of UN economic sanctions: international relations, law, and development*, Abingdon, 228 p.
- Harris, B 2013, 'Diplomacy 2.0: the future of social media in nation branding', *Exchange: The Journal of Public Diplomacy*, vol. 4, no. 1, pp. 17–32.
- Marchukov, AN 2014, 'Public Diplomacy 2.0 as a tool of foreign political activity', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*, issue 4, pp. 104–113, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.10>.
- Shaker, SM & Wise, AR 1988, *War without men: robots on the future battlefield*, Washington, 196 p.
- Sloan, E 2015, 'Robotics at war', *Survival: Global Politics and Strategy*, vol. 57, no. 5, pp. 107–120, <https://doi.org/10.1080/00396338.2015.1090133>.
- Teteryuk, AS & Chizhevskiy, YaA, 'Air drones in asymmetrical conflicts', *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 14, issue 2 (45), pp. 189–201, <https://doi.org/10.17994/it.2016.14.2.45/14>.